

О происхождении фразеологизма *Когда рак на горе свистнет*

Елена Коницкая

Институт языков и культур Балтийского региона
Вильнюсский университет, Литва

Institute for the Languages and Cultures of the Baltic

Vilnius University, Lithuania

E-mail: jelena.konickaja@flf.vu.lt

<https://orcid.org/0000-0003-2402-7278>

<https://ror.org/03nad84>

Резюме. Статья посвящена выяснению происхождения фразеологизма *когда на горе рак свистнет* ‘никогда; в неопределённом будущем’, с использованием приемов диахронической фразеологии. Существующие популярные версии происхождения выражения не выдерживают критики. Анализ данных русского языка позволяет установить спорадическое появление во фразеологизме второй части – *поющих рыб*. Анализ путем выявления структурно-семантических параллелей в разных языках (белорусском, украинском, польском, словенском) показал наличие в польском языке параллели с двухчастной структурой фразеологизма (*jak rak świśnie, a ryba piśnie*). Двухчастная структура обнаружена также в словенском выражении *iti rakom žvižgat in ribam gost*, имеющем другое значение – ‘быть напрасным, безуспешным; пропасть; убиться; умереть’. Фольклорно-мифологические сведения из балто-славянской области (словенской, литовской, белорусской и др.) позволяют выдвинуть предположение оrudиментарном сохранении в русском фразеологизме т. наз. основного мифа – противостояния громовержца (Перуна) и хозяина мира мертвых (Велеса): структурные элементы фразеологизма (*рака* – хтонического существа, *свиста* как его признака, *горы*) подтверждают отнесение события фразеологизма в мифологическое пространство.

Ключевые слова: славянская фразеология, диахроническая фразеология, *когда на горе рак свистнет*, балтийская мифология, славянская мифология.

On the Origin of the Idiom *Kogda na gore rak svistnet* (When the Crawfish Whistles on the Mountain)

Abstract. The article explores the origin of the Russian idiom *kogda na gore rak svistnet* (meaning: “never; at an indefinite time in the future”) by using methods of diachronic phraseology. Popular existing theories about the expression’s origin do not withstand critical scrutiny. Analysis of Russian language data reveals sporadic appearances of a second component in the idiom – singing fish. A comparative structural-semantic analysis across several languages (Belarusian, Ukrainian, Polish, Slovenian) shows a parallel in Polish with a two-part idiom structure (*jak rak świśnie, a ryba piśnie*). A similar two-part structure is found in the Slovenian expression *iti rakom žvižgat in ribam gost*, which carries a different meaning: “to be in vain, unsuccessful; to perish; to die”. Folkloric and mythological evidence from the Balto-Slavic region (Slovenian, Lithuanian, Belarusian, etc.) suggests a rudimentary preservation in the Russian idiom of the so-called ‘primary myth’ – the opposition between the Thunder God (i.e., Perun) and the lord of the underworld (Veles). Structural elements of the idiom (*the crawfish* as a chthonic creature, *whistling* as its attribute, and *the mountain*) support the interpretation of the idiom’s event as situated within a mythological space.

Keywords: Slavic phraseology, diachronic phraseology, *kogda na gore rak svistnet*, Baltic mythology, Slavic mythology.

Apie frazeologizmo „Kai ant kalno švilpaus vėžys“ etimologiją

Santrauka. Taikant diachroninės frazeologijos metodus straipsnyje nagrinėjama rusų frazeologizmo *Когда на горе рак свистнет* ‘niekada; neapibrėžtoje ateityje’ kilmė. Esamos populiarios šio posakio kilmės versijos kelia didelių abejonių. Rusų kalbos duomenų tyrimas leidžia nustatyti sporadišką frazeologizmo antrosios dalies – dainuojančių žuvų – atsiradimą. Struktūrinių ir semantinių paralelių analizė įvairiose kalbose (baltarusių, ukrainiečių, lenkų, slovėnų) atskleidė, jog lenkų kalboje egzistuoja dviejų dalių frazeologizmo atitikmuo (*jak rak świśnie, a ryba piśnie*). Dviejų dalių struktūra aptinkama ir slovėnų posakyje *iti rakom žvižgat in ribam gost*, kuris turi kitą reikšmę – ‘būti bergždžiam, nesėkmingam; pražūti; žūti; mirti’. Baltų-slavų arealo (slovėnų, lietuvių, baltarusių ir kt.) folkloriniai ir mitologiniai duomenys leidžia kelti prielaidą apie rudimentinį vadinamojo pagrindinio mito apie griausmavalžio (Perkūno) ir mirusiuju pasaulio valdovo (Vėlino / Velino) supriekimą, kuris išliko rusų frazeologizme. Struktūriniai frazeologizmo elementai (*vėžys* – chtoniškas padaras; *švilpimas* – kaip jo požymis; *kalnas*) patvirtina šio reiškinio priskyrimą mitologinei erdvei.

Reikšminiai žodžiai: slavų frazeologija, diachroninė frazeologija, *когда на горе рак свистнет*, baltų mitologija, slavų mitologija.

Петру Стрельцову¹

По словам В. В. Касевича, «язык помнит и хранит тайны, в нем скрыт высший смысл» (Касевич, 1990, с. 25). Одной из форм сохранения тайн прошлого, в том числеrudиментарных следов архаических мифологических сюжетов, являются фразеологизмы. Поиску фольклорно-мифологической подоплеки восточнославянских устойчивых словосочетаний, чья внутренняя форма не всегда очевидна с современной точке зрения, посвящены работы ученых, работающих в области диахронической фразеологии – В. М. Мокиенко, Х. Вальтера (Вальтер, Мокиенко, 2019), В. И. Коваля (2011), А. Е. Оксенчук (1996) и др., показавших мифологическую основу многих русских фразеологизмов (*бросать слова на ветер, пустить петуха, душа не на месте* и др.). Однако происхождение многих образных выражений до сих пор не получило объяснения; к ним относится и фразеологизм *когда рак на горе свистнет*. В статье делается попытка установить древнейшую основу этого выражения с привлечением данных фразеологии родственных языков и фольклорно-мифологического балто-славянского материала.

1. Значение и происхождение фразеологизма *когда рак на горе свистнет* в словарях и интернет-источниках

В русском фразеологическом словаре А. И. Федорова данный фразеологизм представлен следующим образом:

Когда рак на горе свистнет.

Прост. Экспресс. Неизвестно когда; в неопределённом будущем, никогда. – Сын-то твой, Харитон, в моё хозяйство примаком просится; голым, смекаю, не отпустишь... чего-нибудь дашь небось... – Дудки, Оглоблин. Когда рак на горе свистнет (И. Акулов. Касьян Остудный). Жандарм оглядел инвалида с недобрым любопытством... – Ничего, мы до тебя доберёмся! Когда рак свистнет! – дерзко ответил инвалид (М. Юдалевич. Пятый год) (ФСРЛЯ).

Примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) подтверждают распространенность фразеологизма с данным значением:

¹ Петр Стрельцов – один из многочисленных псевдонимов П. М. Лавринца, хорошо вписывавшийся в проблематику данной статьи.

На экстренной пресс-конференции Шувалов объявил, что скорее рак на горе свистнет и китайцы перестанут плодиться, нежели он окажется в такой команде, как мадридский «Реал». (2006); От тебя дождется ласкового слова. Скорее рак на горе свистнет... (1987).

В контаминациях с другими фразеологизмами могут появляться дополнительные смыслы, ср. иронию в сочетании с выражением *будет и на нашей улице праздник*, выражаящем надежду на лучшее будущее: *Я вам скажу прямо, Валерий Валерьевич: будут и на нашей улице раки свистеть!* (2014).

Судя по Газетному подкорпусу (Центральные СМИ) НКРЯ, у анализируемого фразеологизма есть и другие значения – не только сомнительного будущего, но и уже произошедшего в прошлом невероятного события: *To ли белый медведь сдох в дебрях Амазонки, то ли рак на горе свистнул, но это свершилось – Mazda все-таки вывела на российский рынок дизельную машину* (2013).

Еще одно значение фразеологизма, устанавливаемое на основе примеров в НКРЯ – значение невыполнимого или трудно представимого условия:

У маленьких любителей большого кино появилась надежда – теперь, если рак на горе свистнет, билеты в кино будут стоить не 200 рэ, а 20 (2001);

Даже если рак на горе свистнет, если «Новый мир» напечатает новый роман Владимира Сорокина: Букер – премия сугубо столичная (1997).

Примечательно, что в НКРЯ обнаруживается использование фразеологизма в расширенном составе, не фиксируемом словарями:

Трудно предположить, когда же в Чечне выкурят трубку мира. Это случится, когда рак на горе свистнет и рыба запоет (2001);

...тетя Настя сделала шаг, чтобы стать ближе к товарищу Дегтярю, и объяснила: был обыск – один раз, как рак свистнул, другой – как рыба запела (1981).

Происхождение фразеологизма лингвистами не установлено. На любительских, порой юмористических сайтах в интернете обнаруживаются разнообразные его объяснения:

Происходит от народной русской пословицы «дожидайся Юрьева дня, пока рак свистнет» (sic! – Е.К.), впервые зафиксированной в 1848 г. Если верить сделавшему это этнографу А. В. Терещенко, по народной легенде в этот день рак свистит (хотя независимых подтверждений её существования нет). Видимо, пословица отражала иронию крестьян, для которых Юрьев день был очень долгожданным в связи с тем,

что до крепостного права у них была возможность переходить от одного помещика к другому после окончания в этот день осенних сельхозработ, ср. вот тебе, бабушка, и Юрьев день. В форме «когда рак на горе свистнет» отмечается с 1857, распространение в печати получает после включения в «Пословицы русского народа» Даля (1862).
 (Викисловарь)

Объяснение вызывает сомнение ввиду явной контаминации рассматриваемого выражения и поговорки о Юрьевом дне, выражющей сожаление о несбывшихся надеждах; показательно также отсутствие фиксаций легенды, на которую ссылается этнограф.

Когда рак на горе свистнет – долго будешь ждать; держи карман на всю ширину собственной придуроватости. Первоначально фраза звучала: «Когда Рак на Шкодовой горе свистнет». Шкодова гора не имеет никакого отношения к производству и эксплуатации автомобилей марки «шкода», не пользующихся в Одессе популярностью по той же причине, что и в свое время «Жигули» на западноевропейском рынке. [...] «Шкоду», поставляемую на наши рынок, пока не переименовывают, хотя в переводе с украинского языка это слово означает гадость; пакость и т.д. Именно таким определением – шкода – награждали чумаки объездную дорогу в гору от Пересыпи, по которой были вынуждены вести обозы в период муссонов. Так возникло название Шкодова гора. Память о тех давних нелегких временах становления одесских транспортных магистралей сохраняют сильные дожди, изредка заливающие Пересыть и в наши дни, парализуя движение трамвайного и автомобильного транспорта. По мнению синоптиков и прогнозам экономистов, одна из основных транспортных магистралей Одессы будет функционировать нормально при любой погоде, когда свистнет рак на близлежащей объездной дороге. Во времена появления присказки о свистящем раке последнее слово писалось с большой буквы. Рак – кличка известного одесского марвихера (так некогда называли воров-гастролеров) Ракачинского, данная ему не столько из-за фамилии, как по поводу особой приметы – сильно выпученных глаз. Однажды Рак проиграл пари, согласно которому был обязан оглашать троекратным свистом объездную пересыпскую дорогу (Шкодову гору) во время ее интенсивного использования. Так как дожди заливали Пересыть крайне редко, это обстоятельство и породило известную фразу. Название «Шкодова гора» по сию пору сохраняется в топонимике города. Выпав из выражения К.Р.Н.Г.С. уточнение «шкодова» заметно ослабило смысловую нагрузку фразы.

(Смирнов, 2003)

Приведенную шутливую интерпретацию В. П. Смирнова можно расценивать как рождение местного одесского мифа для объяснения популярного выражения. Эта версия получила широкое хождение в интернете и упоминается даже в достаточно уважаемых источниках:

...Согласно самой распространенной версии, поговорка родилась из уголовного фольклора в Одессе и звучала она так: «Когда Рак на Шкодовой горе свистнет». Рак – прозвище известного вора-гастролера Ракачинского. По одной из версий, проиграв пари, он должен был периодически оглашать свистом Шкодову гору, по которой проходила объездная дорога. Этой дорогой пользовались крайне редко, только во время дождей, а все остальное время она стояла пустой. По всей вероятности, Рак должен был свистеть в те дни, когда над Одессой шли интенсивные дожди, что случалось достаточно редко, поэтому дождаться от него свиста так и не довелось.

(Аргументы и факты, 2017)

В интернет-текстах иногда в качестве авторитетного подтверждения появляется ссылка на некие исследования, ср.:

Исследования установили, что выражение возникло на основании одесского уголовного фольклора и первоначально звучало так: «Когда Рак на Шкодовой горе свистнет». Здесь рак – вовсе не ракообразное, а имя собственное, Рак – это прозвище одного из известных воров – Ракачинского. История гласит, что, проиграв пари, он должен был периодически оглашать громким свистом Шкодову гору, по которой проходила объездная дорога. Дорога эта не пользовалась большим спросом, по ней ездили очень редко – только во время дождей. Потому предполагалось, что Рак должен был свистеть тогда, когда в Одессе проходили затяжные дожди, но из-за того, что происходило это явление редко, свиста от Рака так и не дождались. А вот поговорка прижилась и дошла до наших дней.

(ФактоДром, без даты)

Еще один интернет-источник строит объяснение на предположении, что за свист принимают щелканье клешней, что маловероятно – перепутать свист и щелканье трудно:

Эта русская поговорка означает полную невозможность какого-либо события. Считалось, что раки – жители речного дна – ни за что не покинут среду своего обитания, не явятся на сушу и уж тем более не засвистят. Современная наука к этому ничего добавить не может: раки на это действительно не способны. Но зато они умеют издавать клешнями щелкающие звуки. Возможно, таким необычным пением они общаются с себе подобными. Поговорка вошла не только в обиходную речь. Генсек КПСС Никита Сергеевич Хрущев использовал присказку на официальных встречах. «Когда рак на горе свистнет», говорил он, если считал, что дальнейшее развитие неких событий маловероятно. Что же должно случиться, чтобы раки, наконец, показали искусство художественного свиста? Даже изучив всевозможные философские труды и книги по оккультизму, определить точную дату, когда же произойдет столь ожидаемое событие, не представляется возможным. Ответ на

этот вопрос нам подсказал все тот же фольклор: свистнет рак тогда же, «когда рыба запоет». А значит, ждать осталось недолго².

(Мурманск ТВ-21, 2021)

2. Параллели фразеологизма в славянских (и не только) языках

При установлении происхождения национальных фразеологизмов широко используется метод выявления подобных в структурно-семантическом отношении выражений в родственных языках (см.: Вальтер, Мокиенко, 2019). Фразеологический материал других языков, прежде всего славянских, позволяет выявить параллели:

блр.: *калі рак свісне* (невядома калі або ніколі) (ТСБМ)³;

укр.: *коли рак на горі свисне, як рак свисне, як рак у полі свисне, як рак на дуба вилізе та й свисне, як рак засвище; як (колі, дікі, пікі і т.ін.) рак свісне*, ірон.1. Невідомо скільки, невідомо коли, дуже довго; 2. Уживається для вираження повного заперечення змісту речення; ніколи (СУ);

польск.: *jak rak świśnie, a ryba piśnie⁴ nigdy* (SF) («когда рак засвистит, а рыба запишит – никогда»). «Свистящий» рак обнаружен в редком польском фразеологизме *rakom świastać ‘daremny wysiłek, próżny trud’* (Rak, 2017, s. 158) («ракам свистеть ‘напрасные усилия, напрасный труд’»).

Распространенность в разных языках фразеологизмов с той же структурой и близким или совпадающим значением, что и в русском языке, заставляет отбросить как «одесскую версию», так и версию, связанную с Юрьевым днем. Похожий фразеологизм обнаружен также в литовском языке: *Bus, kai vėžiai nugaromis švilps* (LFŽ) («Будет, когда раки засвистят спинами») ‘никогда’.

Приведенные фразеологизмы выказывают сходство в структуре с опорными элементами *рак, свист*; в польском материале добавляется *рыба*, которая

² Текст, в котором, как кажется, мифологизируется любовь Хрущева к поговоркам (вспомним пресловутую *Кузькину мать*), интересен, тем не менее, отсылкой к фольклору – к появлению в пару к *раку поющей рыбы*.

³ Ср. также местные варианты в белорусском языке, приводимые Н. А. Левченко (Леўчанка, 2017, с. 74): *рак на Багданаўскай гары свісне* ‘невядома калі або ніколі’, *як рак на Дамянішкаўскай гары свісне ‘тс’*, *як рак на Лысай гары засвішча ‘тс’*.

⁴ Кроме представленного в словарях польского выражения, отмечаются также: *Jak rak świśnie pod dębem* («Когда рак свистнет под дубом»); *Jak rak świśnie, a żaba nogą tupnie* («Когда рак свистнет, а лягушка ногой топнет»); *Jutro o tej porze, jak rak świśnie na ugorze* («Завтра в то время, когда рак свистнет на пригорке») (Rak, 2017, s. 157–158).

встречалась и в русских примерах. Все эти выражения отсылают к ирреальному времени или же времени необычному, которому сопутствуют обстоятельства практически неосуществимые, с трудом вообразимые⁵. Из данного ряда выбирается польский фразеологизм со значением ‘напрасно затраченные усилия’, заставляющий продолжить поиски параллелей.

3. Словенская параллель: *Iti rakom žvižgat*

Параллель к польск. *rakom świstać* обнаруживается в словенском языке: это фразеологизм *iti rakom žvižgat* («идти свистеть ракам») со значениями ‘быть напрасным, безуспешным; пропасть; убиться; умереть;’ подтверждаемыми примерами из корпусов словенского языка Nova Beseda (NB) и GIGAFIDA 2.0 (GF):

...*Ti še povem, da sem zdaj tridesetleten starec in da pojdem kmalu rakom žvižgat* (NB: Cankar). «Я тебе еще скажу, что я сейчас тридцатилетний старик и что скоро умру»; ...*mora še naprej voditi podjetje, kajti brez njega bo šlo vse rakom žvižgat* (NB: Bajt). «... должен и дальше руководить предприятием, так как без него все пропадет»; *Pristni medčloveški odnosi so zdavnaj šli rakom žvižgat* (GF: 2007). «Искренние человеческие отношения уже давно исчезли»; *Zdrava presoja in lepe manire gredo rakom žvižgat* (GF: 2006). «Здравый рассудок и красивые манеры идут к черту».

Один из первых известных мне случаев использования данного выражения в словенской литературе – строка в стихотворении классика, поэта Франце Прешерна (1800–1849): *Lažnivi pratikarji, lažnivi zvezdogledi, vremena vi preroki, vsi pojte rakom žvižgat!* (1846) («Лживые составители календарей, лживые астрологи, предсказатели погоды, идите вы все к черту (= пропадите вы все пропадом!)»). Приведенные примеры свидетельствуют об устойчивости бытования выражения в словенском языке.

Автор словаря словенских фразеологизмов Янез Кебер приводит несколько версий происхождения этого выражения (SSF, 2011, с. 788–789):

- 1) это сокращенная версия более раннего выражения *iti rakom žvižgat in ribam /žabam gost* («идти свистеть ракам и играть (на муз. инструменте) рыбам/лягушкам»). С тем же значением используется выражение *iti žabam gost* («идти играть на музыкальном инструменте лягушкам»);

5 Интересно, что во французском языке также есть идиома *Quand le crabe sifflera sur la montagne* («Когда краб на горе свистнет») с тем же значением, что и русское выражение.

- с другой стороны, появление второй части расширенного словенского фразеологизма может быть обусловлена стремлением усилить изначально краткий вариант фразеологизма *iti rakom žvižgat*. (Заметим, что упоминание в словенском двухчленном фразеологизме двух деятелей – *рака* и *рыб* – структурно соответствует вариантам русского выражения с двумя действующими субъектами (ср. примеры из НКРЯ), а также стандартной форме польского фразеологизма, что говорит в пользу исходной расширенной формы – Е. К.).
- 2) Кебер ссылается также на высказанное лексикографом Йожей Глонаром (1885–1946) предположение, что фразеологизм с первоначальным значением ‘утонуть’ использовался в отношении преступников, осужденных на казнь через утопление; затем данное значение было расширено до значения ‘идти к черту, пропасть’. Свои рассуждения Глонар подтверждает ссылкой на рус. *показать, где раки зимуют* ‘наказать’, с первоначальным значением ‘утопить’, предполагая родственность слвн. *iti rakom žvižgat* и рус. *показать, где раки зимуют* (ср. также польск. *pokazać komuś, gdzie raki zimują* ‘отомстить кому-то’). Между тем данных о том, что эти выражения как-то связаны с судебными процессами и приговорами, нет, поэтому нужны более убедительные доказательства связи рус. *показать, где раки зимуют* и слвн. *iti rakom žvižgat* и их мотивированности казнью через утопление.

Существенны приводимые Кебером сведения о фиксации фразеологизма с XIX в., причем в ранних случаях – в словенских грамматиках Гутсмана (1777), Метелко (1825) – отмечено значение ‘заниматься бессмысленным делом’ (*leeres Stroh dreschen*), тогда как в немецко-словенских словарях второй половины XIX в. – Цигале (1860), Янежича (1893), Плетеरшника (1894–1895) – это значение отсутствует, а переводы на немецкий язык сводятся к двум: экспрессивному междометному «иди к черту!» или же «умереть», «погибнуть».

Итак, словенский фразеологизм, в отличие от приведенных выше выражений русского, украинского, белорусского, польского, литовского языков, отсылает не к ирреальному времени, но к ирреальному – неизвестному – пространству, связанному со сферой смерти, погибели и т.д. Вероятно, более древним значением, зафиксированным в редком польском фразеологизме и раннем значении словенского выражения, является представление о бессмысленных (и в этом случае также ирреальных) усилиях, которые и ведут в ирреальное пространство («к черту»).

4. Балто-славянские мифологические основания фразеологизма (?)

Словенский фольклорист Янко Локар (1881–1963) в небольшой заметке в журнале *Etnolog* в 1942 г. приводит рассказ матери о том, как местные жители ловили на свист раков в реке Колпе, протекающей на границе между Словенией и Хорватией. Он не смог найти никакого подтверждения этого способа ловли, кроме рассказа естествоиспытателя и писателя Валвасора (1641–1693) о том, что ловцы раков на Колпе, привязав дождевого червя на палку, спускали его к рачьим норам в скалах и начинали свистеть особую мелодию, выманивая ёю раков из нор. Валвасор не был свидетелем такой ловли, но ссылался на рассказы людей об этом. Локар объяснил существование таких рассказов суеверием (*vražja vera*), основанным на распространенном предании, что у раков есть свой пастух – черт (*hudič*), который по ночам пасет раков, вызывая их свистом из воды. Люди, желающие добыть раков, подражают ему, чем могут вызвать его гнев: их ждёт неминуемая смерть (Lokar, 1942, с. 95–96).

Неожиданная параллель к рассказу о пастухе-повелителе водных существ обнаружилась в балтийском материале. Фольклорист, мифолог Дайнюс Резаускас в статье «Древнеиндийский *Váruṇa* в свете балто-славянских мифологических представлений о “рыбном короле-пастухе”», излагая мифологический сюжет на широком индоевропейском фоне, приводит латышскую дайну: *Vēzi, vēzi, sukā galvu, Liec kroniti galviņā! Līdacīņas kumeliņi Iemauktiņus zvadzināja* («Рак, рак, причешись, Надевай корону! Щучьи кони уздечками позванивают») (Резаускас, 2004, с. 81).

Примечательно, что в двух разных традициях (балтийской и славянской) речь идет о мифологическом пастухе водных жителей. В словенском материале эту функцию выполняет нечистый, пасущий раков, тогда как в латышском материале сам рак является королем – то есть повелителем запряженных в карету рыб (в дайне это щуки – мифические кони короля-рака).

Развивая тему «рыбного пастуха», Резаускас обращается к высказываниям В. Н. Топорова об общем значении фигуры пастуха в мифологии, которого считают причастным «к природной мудрости, тайне общения с животными и растениями, с небесными светилами и подземным царством (душами мертвых)» (МНМ, 1980, с. 787). По мнению Топорова, «пастух включается в схему т. наз. основного индоевропейского мифа» противостояния громовержца и его противника (имеющего хтоническую природу), «например, [...] Индра и Врритра (или Вала) в ведийской традиции, Перун и Велес в славянской, Перкунас и Велняс⁶, Велс в балтийской и т.д.» (Там же, с. 788).

6 В русской традиции используются следующие варианты имен этих персонажей: *Перкунас, Пяркунас; Велняс, Вяльняс, Велнас*. В литовском языке имена записываются как *Perkunas*,

Поиски доказательств противостояния рака и Перуна-Пяркунаса приводят к дальнейшим исследованиям в области литовского и славянского фольклора. Среди фольклорных персонажей *рак* в противостоянии с громоверхцем встречается нечасто, однако в работах литовского фольклориста Ниёле Лауринкене упоминается рак, вызывающий гнев Пяркунаса: в одном из вариантов легенды об упрямом раке говорится о том, как творец вселенной Пяркунас наделял глазами зверей и рыб, и рак, обиженный тем, что не он первый получил глаза, начал ругаться, на что Пяркунас, разозлившись, вставил ему глаза сзади (Laurinkienė, 1996, p. 125)⁷. В одной из литовских легенд из Даукшай говорится, что когда в местной церкви проходила служба, в водоеме появлялся огромный рак, пугая людей, но после того, как в водоеме несколько раз ударил гром, рак больше не показывался (Там же). Вероятно, о противостоянии рака и Пяркунаса говорит и поверье в литовской народной медицине о том, что рачью клешню можно использовать до первого грома – после этого она теряет свои лечебные свойства (Там же). В монографии А. В. Гуры «Символика животных в славянской народной традиции» приводятся сведения о том, что у славян раков считали нечистыми, дьявольскими животными: «А ў грозу дак [черт] бегая-бегая, некуды детца, дак ён у воду, рыбой скинетца, ти раком» (Гура, 1997, с. 399). Эти данные отражают функциональную близость рака и нечистого – вяльняса, Велеса⁸.

Характерным признаком демонических персонажей, мифических животных, стихийных явлений разрушительного действия в мифологических представлениях славян является *свист* (СД, 2009, с. 578). Он связан с семантикой пропажи, лишения (ср.: Змей Горыныч, Соловей-разбойник и др.). Анна Плотникова в статье, посвященной свисту как «явлению, неизменно связываемому в народных представлениях с призывом зла, лиха, беды, нечистой силы» (Плотникова, 1999, с. 295), отмечает, что

...свист как обращение к потустороннему миру ведет к опустошению и заполнению пустого, открытого («освободившегося») пространства нечистой силой. Пустое

Velnias. В статье имена записываются в более точном варианте, соответствующем литовскому произношению: *Пяркунас* и *Вяльняс*.

⁷ Мотив, известный также в славянском фольклоре, где в функции Пяркунаса выступает Бог, ср. блр.: «Это Бог пораздавав вочи ўсім. Дык вот ён давав, давав, уси пораздавав, – осталися только одны вочи, маленькия, чорныя. Тоды Бог кажець на рака: на табе их, рак! А рак усердзився: „да! куды мне их такея? у зад уторнуць“ Дык Бог и здзелав вочи отзаду. Ён и цяпер их там носіць» (Гура, 1997, с. 399).

⁸ О близости лит. *velnias* и рус. Велес, а также об осторожности в отношении отождествления Велеса и черта см., в частности: (Velius, 1987, p. 257).

(незаполненное) и нечистое дополняют друг друга. [...]. Кстати, потусторонний мир в народных представлениях также отличается незаполненностью. Что «там» есть? Прежде всего, демонические силы, души предков. Свист есть прямое попадание в ничто и в никуда, где господствует нечистая сила, обитают души предков, что, впрочем, очевидно, одно и то же по своей природе.

(Там же, с. 302)⁹

Приведенные сведения позволяют обосновать обращение к древнему сюжету противостояния громовержца – Перуна и повелителя подземного мира – Велеса для объяснения фразеологизма *когда рак на горе свистнет* и объяснить базовые его элементы: наличие *рака* наряду с другими жителями вод (рыб или жаб) как жителей подземного – потустороннего мира (=инобытия), а также упоминание *свиста* как действия, предполагаемо производимого раком.

5. Пространственно-временной континуум мифологической потусторонности

В словенском случае мы имеем дело с ирреальностью, отражающей структурирование фрагментов мира в моделях **пространства**, где фразеологизм образно выражает значение ‘неизвестно куда (где)’, подобное рус. *у черта на куличках*, *у черта на рогах*, *к черту* и др., тогда как русский, белорусский, украинский, польский фразеологизмы (и их варианты) связаны с передачей идеи нереальных событий во временных координатах, протекающих в ирреальное **время**, не локализованное в пространстве бытия. Таким образом, в обоих случаях речь идет о не существующем в профанном мире мифологическом пространственно-временном континууме инобытия.

Если рассмотреть в этом аспекте фразеологизмы с **временным** значением, то нетрудно обнаружить, что они отражают мифологическое **пространство** противостояния хтонического персонажа и его противника – громовержца, свидетельствующее упоминанием во фразеологизме *когда рак на горе свистнет* места события предполагаемого действия: в мифологическом пространстве *гора* соотносится с громовержцем, ср. о горе как месте его обитания: «В индоевропейском мифе громовержец, находящийся на Горе или каменной скале, каменным оружием (ср. Гром-гора, гром-камень) поражает своего противника (напр., змея), находящегося внизу» (МНМ, 1980, с. 260); неслучайно и упоминание в

⁹ *Свист* как характерный признак, показывающий общность литовского вяльняса (между прочим, создателя хтонических существ) и мифологических славянских персонажей – лешего, водяного, змея – отмечает Норбертас Велюс (Vėlius, 1987, р. 258).

украинском фразеологизме *дуба*, в мифологическом сознании славян связанного с громовержцем (Толстая, 2002, с. 147). Попытки рака как представителя подземного (подводного) мира взобраться на гору, заняв не принадлежащее ему пространство, обречено на провал.

Можно сделать вывод, что русский фразеологизム *когда рак на горе свистнет*, образно выражая значение ирреального времени, своей внутренней формой связан с древнейшими мифологическими представлениями о противостоянии верхнего мира и подземного мира мертвых. Очевидная неудача хтонического персонажа, закодированная во фразеологизме, несет в себе жизнеутверждающую идею победы жизни над смертью.

6. Заключение

Миф, по мнению Р. Барта, есть «символическая языковая форма вечных моделей личных и общественных связей; архаичный элемент человеческой культуры» (Барт, 2017, с. 174). Он может как конструироваться на наших глазах, придавая смысл актуальным событиям и делам давно минувших лет, структурируясь в краеведческих рассказах о местных происшествиях, в идеологических дискурсах, объяснениях непонятных явлений, наделяя их символическими значениями, так и исчезать, оставляя после себя обломки в виде неясных слов, выражений, обретающих порой новые смыслы. Механизм появления мифа, в частности, показан в статьях Павла Лавринца, посвященных Вильнюсскому василиску: «в трансформациях первоначально скучного сюжета и перемещениях его в различные языковые, национальные, культурные контексты на протяжении XIX и первой половине XX вв. нарастал его мифологический потенциал, что в свою очередь имплицировало разнообразие интерпретационных возможностей предания и реляций *Василиск – Вильнюс*» (Лавринец, 2014, с. 424). Развитие сюжета о василиске укладывается в представления о мифологическом сознании как о кодировании информации о мире в связных сюжетах.

С другой стороны, старые, подчас весьма древние мифологические сюжеты могут сохраняться в веках, основываясь прежде всего на слове. Исходный сюжет как форма существования мифа может сохраняться в виде намека, отпечатка, неясного указания. Диахронический анализ фразеологизму *когда рак на горе свистнет* с привлечением данных других языков на балто-славянском фоне мифологических представлений, как представляется, позволяет выявить глубокие корни выражения, наличие закодированных в нем мифологем, не лежащих на поверхности, но носящих безусловно положительный заряд.

Список сокращений

блр. – белорусский язык
 лит. – литовский язык
 польск. – польский язык
 рус. – русский язык
 укр. – украинский язык

Интернет-источники

Аргументы и факты, 2017. Откуда пошло выражение «когда рак на горе свистнет»? (28.09.2017 00:21). Режим доступа: https://aif.ru/dontknows/file/otkuda_poshlo_vyrazhenie_kogda_rak_na_gore_svistnet [см. 10 08 2025].

Викисловарь: когда на горе рак свистнет. Режим доступа: https://ru.wiktionary.org/wiki/%Do_%BA%D0%BE%D0%B3%D0%B4%D0%Bo_%D1%80%D0%Bo%D0%BA_%D0%BD%D0%Bo_%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B5_%D1%81%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B5%D1%82 [см. 09 08 2025].

Смирнов, В.П., 2003. *Большой полутолковый словарь одесского языка*. Одесса: Друк. Режим доступа: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/odessa-language/fc/slovar-202-2.htm> [см. 10 08 2025].

Телекомпания ТВ-21, 2009. А когда в вашей жизни рак на горе свистел? (25.12.2009). Режим доступа: <https://www.tv21.ru/news/2009/12/25/a-kogda-v-vashey-zhizni-rak-na-gore-svistel> [см. 09 08 2025].

Фактодром, без даты. Когда же рак на горе свистнет? Происхождение поговорки. Режим доступа: https://faktodrom.com/view/357/Kogda_zhe_rak_na_gore_svisnet_Proiskhozhdenie_pogovorki.html [см. 09 08 2025].

Корпусы и словари

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/en>
 GF = *GigaFida 2.0. Korpus pisne standardne slovenščine*. Режим доступа: <https://viri.cjvt.si/gigafida/>
 NB = *Nova Beseda. Besedilni korpus na Inštitutu za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU*. Режим доступа: http://bos.zrc-sazu.si/s_beseda3.html

МНМ = *Мифы народов мира*. Энциклопедия, 1980. Электронное издание. Москва: Советская энциклопедия. Режим доступа: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf [см. 10 08 2025].

СД = Толстой, Н.И. (ред.), 2009. *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. Т.4.
 СУ = «Словарники України» on-line, 2025. *Фразеологія*. Режим доступа: <https://lcorp.ulif.org.ua/dictua/>

Толстая, С.М., 2002. *Славянская мифология*. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. Москва: Международные отношения.

ТСБМ = *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы (1977–1984)*. Пад агульнай рэдакцыяй К.К. Атраховіча (Кандрата Крапівы). Мінск: «Беларуская Савецкая Энцыклапедыя» імя Петrusa Броўкі.

- ФСРЛЯ = Федоров, А.И., 2008. *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Москва: Астрель, АСТ. Режим доступа: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/fc/slovar-202-6.htm#zag-5570>.
- LFŽ = Paulauskas, J. (red.), 2001. *Lietuvių frazeologijos žodynas*. Pasiekiamas: <https://ekalba.lt/frazeologijos-zodynus/>
- SF = Kłosińska, A., 2005. *Słownik frazeologiczny PWN*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- SSF = Keber, J., 2011. *Slovar slovenskikh frazemov*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.

Литература

- Барт, Р., 2017. *Мифология*. Москва: Академический проект.
- Вальтер, Х., Мокиенко, В., 2019. Правславянская фразеология: миф или реальность? *Jazykovedný časopis*, Vol. 70, No 1, pp. 5–32. DOI 10.2478/jazcas-2019-0038
- Гура, А.В., 1997. *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва: Изд-во «Индрик».
- Касевич, В.В., 1990. *Язык и структура знания*. Москва: Ин-т языкоznания АН СССР.
- Коваль, В.И., 2011. *Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение*. Минск: РІВШ.
- Лавринец, П.М., 2014. Трансформации вильнюсского предания о василиске. Т.В. Цивьян, М.В. Завьялова, А.Юджентис (ред.). *Балты и славяне: пересечения духовных культур*. Vilnius: Versmė, с. 413–427.
- Леўчанка, Н.А., 2017. Фразеаўтаральная актыўнасць тапонімаў у складзе фразеалагізмаў беларускай мовы. *Філалагічнае краязнаўства гродзенішчыны (матэрыялы і даследаванні)*. Гродна: ЮрCaПрынт, с. 72–77.
- Оксенчук, А.Е., 1996. Следы древних мифов о душе в русской фразеологии. *Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава*, №2, с. 84–89. Режим доступа: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/10204/5/84-89.pdf> [см. 09 08 2025].
- Плотникова, А., 1999. О символике свиста. In С.М. Толстая (отв. ред.). *Мир звукаций и молчаций: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян*. Москва: Индрик, с. 295–304.
- Разаускас, Д., 2004. Древнеиндийский *Váruṇa* в свете балто-славянских мифологических представлений о «рыбном короле-пастухе». *Acta Orientalia Vilnensis*, №5, с. 79–91.
- Laurinkienė, N., 1996. *Senovės lietuvių dievas Perkūnas* (= Tautosakos darbai IV). Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas.
- Lokar, J., 1942. Vsi pojte rakom žvižgat! *Etnolog*, knj. 15, s. 95–96.
- Rak, M., 2017. Na bezrybiu i rak ryba. Językowo-kulturowy obraz raka w polszczyźnie. *Etnolinguistika*. T. 29. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie, s. 149–169. Режим доступа: <https://doi.org/10.17951/ET.2017.29.149> [см. 09 08 2025].
- Vėlius, N., 1987. *Chtoniškasis lietuvių mitologijos pasaulis*. Vilnius: Vaga.

References

- Bart, R., 2017. *Mifologiya*. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Gura, A.V., 1997. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii*. Moscow: Indrik.

- Kasevich, V.V., 1990. *Yazyk i struktura znaniya*. Moscow: Institut yazykoznaniya AN SSSR.
- Koval', V.I., 2011. *Frazeologiya narodnoi duchovnoi kul'tury: sostav, semantika, proiskhozhdenie*. Minsk: RIVSh Publ.
- Laurinkienė, N., 1996. *Senovės lietuvių dievas Perkūnas* (= Tautosakos darbai IV). Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas.
- Lavrinets, P.M., 2014. Transformatsii vil'nyusskogo predaniya o vasiliske. In: T.V. Tsiv'yan, M.V. Zav'yalova, A.Yudzhentis (eds.). *Balty i slavyane: perescheniya duchovnykh kul'tur*. Vilnius: Versmė, pp. 413–427.
- Leičhanka, N.A., 2017. Frazeaštvaral'naya aktyjnasts' taponimaš u skladze frazealagizmaš belaruskai movy. *Filalagichnae krayaznaštva grodzenshchyny (materyyaly i dasledavanni)*. Grodna: YurSaPrynt, pp. 72–77.
- Lokar, J., 1942. Vsi pojte rakom žvižgat! *Etnolog*, knj. 15, pp. 95–96.
- Oksenchuk, A.E., 1996. Sledy drevnikh mifov o dushe v russkoj frazeologii. *Vesnik Vitsebskaga dzyarzhajnaga jniversiteta imya P. M. Masherava*, No 2, pp. 84–89. Available at: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/10204/5/84-89.pdf> [Accessed 9 August 2025].
- Plotnikova, A., 1999. O simvolike svista. In: S.M. Tolstaya (ed.). *Mir zvuchashchii i molchashchii: Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoi kul'ture slavyan*. Moscow: Indrik, pp. 295–304.
- Rak, M., 2017. Na bezrybiu i rak ryba. Językowo-kulturowy obraz raka w polszczyźnie. *Etnolinguistyka*. Vol. 29. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie, pp. 149–169. Available at: <https://doi.org/10.17951/ET.2017.29.149> [Accessed 9 August 2025].
- Razauskas, D., 2004. Drevneindiiskii Váruṇa v svete balto-slavyanskikh mifologicheskikh predstavlenii o "rybnom korole-pastukhe". *Acta Orientalia Vilnensis*, No 5, pp. 79–91.
- Val'ter, Kh., Mokienko, V., 2019. Praslavyanskaya frazeologiya: mif ili real'nost'? *Jazykovedný časopis*, Vol. 70, No 1, pp. 5–32. DOI 10.2478/jazcas-2019-0038
- Vėlius, N., 1987. *Chtoniškasis lietuvių mitologijos pasaulis*. Vilnius: Vaga.